

А. В. Панюков

ИЗ КАЛЕНДАРНОЙ ОБРЯДНОСТИ КОМИ-ЗЫРЯН: ВО ВОИС 'ГОД ПРИШЕЛ – УРОЖАЙ ДОШЕЛ'¹

Статья посвящена календарной обрядности осеннего Кузьмы-Демьяна и связанной с этой датой фольклорной формуле «Кузьма-Демьян во воис», не имеющей однозначного перевода. В результате возникшего в языковой картине коми-зырян случайного наложения языковых гнезд *во* 'год' и *во-* 'приходить, прибывать, поспевать', *во* 'урожай', особый, «годовой» статус дня Кузьмы-Демьяна закрепился на уровне многочисленных языковых аттракций, соединивших в фольклорном тексте два ключевых понятия: «завершение сбора урожая» и «завершение года». Не менее важно, что этот вектор развития формулы *во воис* взаимосвязан с целым рядом окказиональных сдвигов, определивших специфику обрядового наполнения Кузьма-Демьяновских братчин коми-зырян. Здесь и адаптация к хозяйственной деятельности, и гендерное «перераспределение», закрепившее за этой осенней датой статус всеобщего женского праздника с братчинным пиром, символизирующим завершение земледельческого года. Собственно языковые аттракции между двузначным *во* 'год/урожай', «касьяновым годом» и «демьяновым месяцем», выдвигающие на первый план тему «богатства – бедности/несчастья». В свою очередь, эта тема фиксируется в окказиональном хронониме *Демьян Бедный*, возобновляющем исконный, агнографический контекст праздника. Сказанное позволяет говорить о существовании в системе традиции механизмов самоорганизации, определяющих из множества несвязанных и случайных факторов общий вектор своего развития.

Ключевые слова: фольклор, этнография, коми-зыряне, коми язык, локальная традиция, народная терминология, хрононимы, земледельческая обрядность.

DOI: 10.35634/2224-9443-2019-13-3-429-438

Введение. Выведенная в заглавии статьи фольклорная формула не поддается однозначному переводу, и выбранный нами вариант перевода только обозначает смысловое поле, о котором пойдет речь ниже. Синтаксическая конструкция «во воис» (далее – формула) входит в состав фольклорной формулы-рефрена: «*Кузьма-Демьян во воис*» братчинных песен и приговорок, приуроченных к осеннему дню Кузьмы-Демьяна, и представляет собой специфическую, двухуровневую *figura etymologica*. Ее многозначность связана с возникшим здесь наложением производных многозначного глагола *воны*: 'прибыть, прийти', 'зреть, созревать', 'выиграть' (общеп. **vo-* 'приходить, прибывать, поспевать' [Лыткин, Гуляев 1999, 63] и *во* 'год'; удм. *вапум* 'время; определенный промежуток времени', 'век, столетие', перен. 'конец' (общеп. **wo-* = *Донерм. *ōte – 'год'*; этимологически соотносим со ст.-сл. *ветъхъ* 'ветхий, старый') [Лыткин, Гуляев 1999, 59]. В результате этого наложения целый ряд производных от *воны* оказался связанным с представлениями о цикличности времени, то есть уже неотделим от *во* 'год'. Примером здесь может быть диалектное *во* 'кон (при игре в карты)'; *ōти во ворсны* 'сыграть один кон' [Сравнительный словарь 1961, 54]. Вероятно, ввиду возникающих омонимических наложений у большинства диалектов *во* 'кон' замещено заимствованным *скон* 'кон, партия какой-л. игры'; 'черед, очередь' (< рус. *кон*) с явным наложением квантитативно-квалитативных значений, присущих многозначному *во*: *бур скон* 'довольно долго, долго'; *сконжык: тая чукōрыс сконжык* 'эта куча более подходящая (например, при дележе рыбы по жребию)' [Колегова, Бараксанов 1980, 166] (< 'удачливей, выигрышней' // диал. *воны* 'выиграть (напр., в карты)' [Сравнительный словарь 1961, 59]. Что касается *во* 'урожай', то диалектные словари вт. пол. прошлого века уже не фиксируют отдельное слово *во* 'урожай', повсеместно замененное русским аналогом. Тем не менее в ряде диалектов сохраняются фразеологизмы, позволяющие реконструировать эту лексему: *воис из во* 'урожая не было', *вотэм во* 'неурожайный год' [Сахарова, Сельков 1976, 135]; *во воштан пōгōдьдя – тōрыт зэрыс, толун мича* 'благоприятная погода для получения хорошего урожая – вчера был дождь, сего-

¹ Работа выполнена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Памятники материальной и духовной культуры в современной информационной среде»; проект «Медиа-архив фольклорного фонда ИЯЛИ Коми НЦ».

дня солнечно'. В последнем случае составители словаря дают буквальный перевод; 'погода, ведущая к урожаю' [Сорвачева, Безносикова 1990, 120]; однако, исходя из диалектного *воштыны* 'дать созреть, дозреть', можно перевести как 'урожай урождающая погода'; здесь же *нянь воштан поводдя* 'погода, благоприятная для созревания хлебов' [Сорвачева, Безносикова 1990, 122]. Судя по всему, оба семантических плана – «урожай и год» – можно обнаружить в любой попытке метафоризации одного из них. Например, *кыша-пöла во* 'недородный, неурожайный год (когда охвостье составляет половину урожая)' [Сравнительный словарь 1961, 54] можно интерпретировать: 'с половинным урожаем. Поговорка *воыд (кадыд) оз кынмы* 'год (время) не остановится' – данный составителем буквальный перевод: 'год (время) не вызябнет (т.е. оно и впредь будет развиваться)' [Плесовский 1986, 26]; так же он может быть скорректирован: глагол *оз кынмы* 'не вызябнет' денотативно соотносится именно с *во* 'урожай', и в основе рассматриваемой паремии может также лежать игра слов. С большей очевидностью эта двуплановость проявляется в календарном контексте.

Арся Кузьма-Демьян 'Осенний Кузьма-Демьян'. Дни памяти святых Космы и Дамиана (соответственно житиям святых), отмечались православной церковью три раза в году: 1/14 июля; 17/30 октября (дата не получившая популярности в традиционной календаре народов России); 1/14 ноября. Согласно народным представлениям русских Кузьма и Демьян считались покровителями кузнечного дела, женских полевых и домашних работ, а также брака, семьи и домашнего очага. Особое место в календаре русских крестьян занимал летний день Кузьмы-Демьяна: летние Кузьминки, отмечавшиеся как женский праздник с приуроченными к нему пивными братчинами и ссыпчинами [Некрылова 2007, 346].

В календаре коми-зырян летний Кузьма-Демьян никак не выделен. С одной стороны, эта дата (1/14 июля) накладывалась на празднование Петрова дня (третий день праздника), занимавшего особое, рубежное место в хозяйственном календаре коми. Эта дата отмечает переход на летнее пространство-время. После Петрова дня начинался сенокос, который часто предварялся крестными обходами территорий, устанавливающими летние границы пастбищ и освящающие уголья на весь последующий год, и многое другое [Панюков, Савельева 2006]. Кроме того, Петров день имел устойчивое «мужское» наполнение, связанное с почитанием святых Петра и Павла как покровителей рыбаков. С этого дня начинался летний лов рыбы, отсюда – особое значение этого дня и в охотничьей традиции. В ночь на Петров день охотники отправлялись на поиск «Петрова корня» (или же «петрова крестика» – по крестообразности листьев этого растения). Корешок растения промысловики наделяли защитными свойствами и носили его вместе с нательным крестом [Конаков 1993, 77–78].

На таком фоне совершенно особый статус в традиционном календаре коми-зырян приобрел *осенний день Кузьмы-Демьяна* (1/14 ноября). Повсеместно в России осенний Кузьма-Демьян считался девичьим праздником; у коми-зырян в этот день тоже устраивали молодежные складчины и братчины, организаторами которых были девушки (Молодежным братчинам коми-зырян посвящена специальная статья Г. С. Савельевой [Савельева 2002]). *Осенний Кузьма-Демьян* выпадал на период, когда основная часть мужского населения уходила на промысел, и жизнь в деревне приобретала ярко выраженный «женский» характер. В таком контексте осенний Кузьма-Демьян может быть противопоставлен осенним «мужским» датам: Рождеству Богородицы (8/21 сентября), после которого началась массовая охота на боровую дичь [Конаков 1993, 100]; и Покрову (1/14 октября). На верхней Вычегде Покров считался «мужским праздником»: охотники устраивали «посидки» перед уходом на долгий промысел. Таким образом, именно осенний Кузьма-Демьян приобрел статус «женского» праздника и к нему были приурочены «бабьи» братчины со всем набором обрядовых действий, характерных для летних Кузьминок русских. К осеннему Кузьме-Демьяну завершались все заготовительные и земледельческие работы: убран в закрома урожай, обмолочен хлеб; обычно вывезен и навоз на поля. Этот праздник завершал земледельческий цикл и был своего рода днем подведения его итогов. О ключевой роли осеннего дня Кузьмы-Демьяна говорит и повышенная «словообразовательная валентность» [Толстая 2005, 380–383] этого хрононима: *Кузьма-Демьян, Кузьман-Демьян, Кузь-Демьян, Демьян лун*; здесь же – *демьянасьны* букв. 'демьянствовать' как «отхрононимический» глагол со значением 'праздновать'. Последнее в коми традициях присуще еще только Рождеству (*рöжтвоасьны* 'праздновать Рождество'), что говорит об особом восприятии этой даты. Кроме того, в верхневычегодских традициях особую приуроченность к ней приобрел также термин «братчина»: *братчина рыт* 'братчинный вечер на Кузьму-Демьяна', *Демьян братчина* 'складчина на Кузьму-Демьяна'. Кроме того особый, «годовой» статус этого праздника закреплен в фольклорной формуле «*Кузьма-Демьян во воис*» братчинных песен и приговорок.

Имеющиеся в нашем распоряжении материалы позволяют судить о том, как статус всеобщего женского праздника сказался на возникновении его разновозрастных вариантов. Так, в с. Керчомья Усть-Куломского р-на в этот день отмечался детскими праздничными обходами: *Ми тай вöлі керкась керка ветлывлым дзоля дырйи, демьянасям а. Вайышитласні вöлі калля да нянь да ваясні, сідзи вöлі керкась-керка ветлам, дзолядырйи. Челядь, души-мөд, нёле-вит. Гырысь йöзыс оз ёнасэ вöлі празничайтліні-я. Батьяс мян оз вöлі празничайтні сія Демьянсэ. Мыйке чай чашка да, кодлэн ырöш чашка да. Челядь сьылöні жö, кодалöны да, абу кодöсь да кодалöны. Мыйке тай боледчені* [ФФ ИЯ-ЛИ А1208-17] (Мы ходили из дома в дом в детстве, «демьянствовали». Угощали калля (традиционный напиток из ржаного суслу) да выпечкой, так и ходили из дома в дом, в детстве. Девочки, пару человек, четверо-пятеро. Взрослые не особо праздновали. Отцы наши не праздновали этого Демьяна. Дети. Кто чашку чая нальет, кто чашку кваса. Дети поют что-то, изображают из себя захмелевших, не пьяные, а пьяных изображают. Поют что попало) (здесь и далее – переводы автора). В с. Кужба того же района *Демьян лун – окончание всех работ – праздновали только подростки. Готовили вскладчину. Если каша, приготовленная к посиделкам, была густая, то говорили: «Кузьма-Демьян коксö сьулöма»* (Кузьма-Демьян ногу совал в кашу) [ПМ Ильиной].

Такое же локальное бытование сохранили и взрослые (бабьи) братчины, которые, как особый, женский праздник, местами отмечались вплоть до конца прошлого века: *Братшина пулісны, демьян братшина. Сэк вöлы чукöртчылам, асьным вöлы братчина пувам. Мыйкі, пызь чукöртасны, öти керка ваясны ставсö. Бöрынджык ся винан нын празднуйтым, чукöртчам вöлы. Öні во дас кымын эз нин чукöртчылöй. А сэк вöлы сур пуvasні. Сур пувисны, тагья сур, быгья. Сю пызьысь юмсö вöчасны, чужва вöчасны и тагьялöны неуна. Зэв джуджид, быгья. Не обязательно рöдня, коді ортчен оlö, öтлан пулісны. Рытнас вöлы чукöртчасны. Водзвыв гортсьыд ваясні ставсö, мыйке сёянтор, кöнкö ваясны же. 14 ноябра, сэк ставыс нын убöритöма. Картупельтö Причистаяöдз, а сэк вöлы куйед нын петкедэны. Юасны да йöктасны, мыйкө тай йöйталасны вöлы* [ФФ ИЯЛИ В1111-14, 17] (*Братчину варили на Кузьму Демьяна – Демьян братшина. Тогда тоже собирались, сами уже братчину сварят. Собирали муку, принесут в один дом. Позже со спиртным уже праздновали, тоже собирались. Теперь, лет десять, наверно, не собираемся <запись 1996 г.>. А тогда варили пиво: 'Пиво варили, хмельное, пенистое. Из ржаной муки закваску сделают и немного хмеля добавят, чтоб играло. Высокая пена получалась'. Не обязательно родня – все, кто рядом живет, варили вместе. Собирались вечером. Приносили из дому заранее; может быть, что-то и из еды приносили. 14 ноября, все уже убрано. Картошку до Пречистой убирали, тогда уже навоз вывозили. Выпьют, потанцуют, дурачатся*).

Имеющиеся в нашем распоряжении материалы позволяют уверенно констатировать, что во всех возрастных вариантах празднования на первый план выносились темы всеобщего гастрономического (земледельческого) и хмельного изобилия (в детском варианте – в игровой форме), подчеркивающие завершение сельскохозяйственных забот. И кажется очевидным, что кузьма-демьяновская формула *во воис* связана со значениями глагола *воны* 'созревать, созреть, поспевать, поспеть', проектируемыми на семантику завершения цикла осенних уборочных работ, так что переводится как 'урожай уродился'. Однако в фольклорно-языковой картине сдвигов этот смысл отошел на второй план, растворившись в многочисленных ассоциациях на тему « годового праздника ».

Во воис 'Год пришел'. Самый поверхностный, соответствующий общераспространенному значению слова *во* 'год', перевод «Кузьма-Демьян, год пришел/наступил» обрел явно осознаваемую семантическую размытость, так что по сути представляет собой синтаксическую заумь. Не случайно в записях конца прошлого века появляется синтаксически «исправленный» вариант, соответствующий такой интерпретации: *Кузьма-Демьян – Ягвылын. Миян мамöяс ветлывлысні Ягвылэ Кузьма-Демьян дырйи. «Кузьма-Демьян во коли» – локтыгмоз сьылам вöлі. «Кузьма Демьян во колис»* [ФФ ИЯЛИ А1113- 6] (Кузьму-Демьяна в Боровске (Ягвыл) праздновали. Наши матери ходили в Боровск. «Кузьма-Демьян, год прошел» – пели все, возвращаясь. «Кузьма-Демьян, год прошел». Утрата обрядового контекста могла вызвать и появление лексической зауми: *Кузьма-Демьянід сія Ягвылын. Миян мамөяс ветліллэні же вöлөм Кузьма-Демьяннад Ягвылад да: «Кузьма-Демьян пö ко-коли», – сьылыгтырья пö локтам вöлі* [ФФ ИЯЛИ В1114-30] (Кузьма-Демьян – это в Боровске < престольный праздник >. Наши матери ходили на Кузьму-Демьяна в Ягвыл (Боровск). С песней, мол, возвращались: «Кузьма-Демьян, ко-коли»). В данном случае информант (1925 г.р.) воспринимает заумную фразу «ко коли» как непонятное ей русскоязычное заимствование из репертуара родителей. Таким же непонятным для нее уже стало и само слово «братчина», встречаемое в только что исполненной ею лирической песне «Ылын-ылын ва сайын выль слöбöда тыдалэ...» (Далеко-далеко за рекой новая слободка

виднеется) (молодая жена просит старого мужа отпустить ее сходить к подружкам «братчину пить»): *Ог төд ся мый сія. «Братшина юні» тай сьылэні вёлі мамеяс. Ме сэсся ог понимайт, «младшина» ке абу? Том йёз наvernэ сія. Младшинайд и эм. Младшина – важен вёлэм чукартчені вина юні. Тьртчені вёлэм бабаясід да мунэні вина юні. Младшинатэ сіе вёлэм шувені мыйке, чукартчемсэ.* [Там же] (Не знаю, что значит «братчина». «Братчину пить» – пели наши матери. А я не понимаю, может быть это «младшина»? Наверно, это слово означает «молодежь». Младшина и есть. На Младщину раньше собирались женщины пить. Складывались женщины и собирались вместе выпивать. Младщиной называли эти их посидки).

Самая ранняя запись *братчиной* песни с формулой «Кузьма-Демьян во воис» связана с описанием молодежной братчины, проводимой в г. Усть-Сыольске в сер. XIX в. Длилась она 3 дня; молодежь в складчину варила пиво и устраивала застолье. Кульминационным моментом собрания были поименное величание и угощение парней пивом. Формула *во воис* 'год пришел' – это зачин к заключительным, «пивным» припевкам молодежной братчины:

*Кузьма, Демьян во воис, во воис,
Талун, талун миян роч зіб оз судз,
Аски вед миян и роч зіб судзас,
Аскомьсь миян истог тув судзас.*

(Кузьма Демьян, год пришел, год пришел,
Сегодня, сегодня – у нас русский шест не достает (до дна),
А завтра ведь у нас и русский шест достанет,
А послезавтра у нас и серная спичка достанет).

Братчина продолжалась 3 дня, соответственно менялись финальные строки.

В Корткеросском р-не (средняя Вычегда) зафиксировано еще одно описание молодежной братчины на Кузьму-Демьяна, где упоминается приуроченная к этому собранию песня:

Арнас, Кузьман-Демьянэдз сіе нывъяс чукартчемен вёзьясны тадзи, кёзьяин-кёзьяйкалы да пызь нуыштан да сур пуасны да сэсся и сіей братчина рыт и йоктасні, ныв да зон. Зонъяссё нывъясыс тиётти гоститёдыштансы. Зонъясыс тоже мыйке вайиштоньы, поллитра ли мый, парта ли, важен од парта вёлы. (Соб.: Сур юинныд?) – Сур вёлы юасны, абу кода ни нинэм. Сэки винаид эз вёв. Простой сур пуоны. Сэсся рытнас мыйке ужин вёчиштансы. Сія ныв-зонлөн. Гажёдчасны вёлы. Онй вед то ныв-зонлы быд рыт, а важен эд пешан овлылым, печкам вёлы зэв ёна. (Соб.: А мый сьылынныд тая братчина дырйи?) – Таеяс и сьылам вёлы, ворсан сьыланкывьяссэ. (Соб.: А братчина йылысь вёлы?) – Эм эське да, ми огё нын кужё важёньяссё. «Кузьман-Демьян во вовыс». Числэйис.

*Кузьман-Демьян во вовис, во вовис да,
Ой гиг лада во вовис...*

Тадзи.

Менам гёлёсыд лёк да оз ков...

Ся водзёсё ог төд. [ФФ ИЯЛИ К75-7]

(Осенью, заранее, до Кузьмана-Демьяна девушки вскладчину соберут и попросят кого-нибудь из хозяев сварить, принесут муки и сварят пиво – «сур», вот это и будет «братчинный вечер», и пляшут, парни-девушки. Парней девушки тоже угощают немного. А парни тоже что-то приносят, поллитра или *парту*, раньше ведь *парты* были. (Соб.: Сур пили?) – «Сур» пили, нехмельной напиток. Тогда спиртного не было особо. Простое пиво сварят. Потом что-то поужинают, застолье устроят. Это у молодежи было, веселились. Это ведь сейчас парни и девушки каждый вечер веселятся. (Соб.: «А что пели на этой братчине?») – Эти и пели, игровые песни – «ворсан сьыланкывьяс». (Соб.: «А про братчину была песня?») – Есть так-то, да мы уже не умеем старинные. «Кузьман – Демьян год пришел». Дата, число, мол, наступило.

*Кузьман-Демьян, год пришел, год пришел,
Ой гиг лада, год пришел...*

Как-то так. У меня голос плохой, не надо (записывать). Дальше не знаю).

В данном варианте песни «Кузьма-Демьян, год пришел» использован рефрен популярной игровой песни «*А ми пё кёдзамой, кёдзамой*» (А мы ведь засеем, засеем). Этот комизычный вариант рус-

ской игровой песни «А мы просу засеем» исполнительницы спели перед приведенным репортажем, то есть она входила в число игровых песен, исполняемых на братчине. Однако напев кузьма-демяновской песни-припевки несколько иной. Наличие рефрена «ой гиг лада» позволяет предположить, что продолжение песни-припевки было импровизацией на определенную тему. Это могла быть та же тема братчинного пива, обыгрываемого в вышеприведенном усть-сыольском варианте, или вариация на сельскохозяйственную тематику. Однако стоит отметить, что все записанные нами варианты этой припевки дальнейшего продолжения не имеют, и, вероятно, в таком редуцированном виде она и бытовала в прошлом веке. Обратим особое внимание на то, что в приведенном репортаже дается дополнительная, хрононимическая мотивировка к формуле «во вовис» («Дата, число, мол, наступило»): исполнительница явно осознает ее смысловую размытость и неоднозначность.

Во гӱгӱрся бӱрйӱм ‘Выбор пары на год’. Очевидно, что в контексте молодежных братчин формула «во воис» к теме урожая уже не имеет отношения и воспринимается как мотив наступления важной для молодежной субкультуры даты. Смысловым эквивалентом такой, «годовой» даты может быть присущая осенне-зимним молодежным братчинам коми-зырян тема выбора пары на весь последующий год – *во гӱгӱрся бӱрйӱм*. Насколько позволяют судить имеющиеся этнографические материалы, даже в одной локальной традиции молодежные братчины могли быть приурочены к разным осенним датам, связанным с завершением сельскохозяйственных работ, и вероятно, ориентированных на местный праздничный круг. Так, на Выми братчины с выбором пары на год могли быть приурочены к Покрову (1/14 октября), Михайлову дню (8/21 ноября), Николину дню (6/19 декабря) (подробнее об этом см: [Савельева 2002]). Кроме того, тема выбора пары на год могла быть включена в сценарий рождественских игрищ: «Кульминационный момент посиделок в канун Васильева дня заключался в игре “во гӱгӱрся бӱрйӱм” (выбор на год). Ее сопровождала песня “Ты впусти в город”, причем ее исполняли не только девушки, но и присутствующие на вечере женщины-зрительницы. Под пение песни каждый из присутствующих парней подходил к приглянувшейся ему девушке, с поклоном выводил ее на середину избы и, поцеловав, усаживал на колени. За своей избранницей парень должен был ухаживать в течение года. Нередко такой выбор впоследствии завершался заключением брака» [Дукарт 1978, 94]. О том, какое значение придавалось выбору пары на год, ярко свидетельствует бытование детских братчин, организуемых родителями для детей 7–12 лет. В соответствии с обрядовым сценарием все мальчики и девочки, присутствующие на братчине, выбирали себе пару на год, в течение которого они должны были помнить друг о друге; на следующий год пары могли меняться. В описании усть-сыольской братчины мотив выбора пары на год не фиксируется, однако сам сценарий братчины вполне его допускает. Для нас более важно, что только в репертуаре кузьма-демяновских братчин зафиксированы песни с мотивом наступления годовой даты.

Во воис ‘урожай уродился’. Фольклорный материал позволяет нам говорить о том, что значение *во воис* ‘урожай уродился’ к концу минувшего века сохранилось только на границе верхней и средней Вычегды, разделяющей две встречные волны заселения бассейна Вычегды, и только в репертуаре женских (бабьих) братчин. Здесь бытовала приведенная выше припевка с рефреном: «Ой гиг лада», – но уже с другим осмыслением, соответствующим исходному – «урожай уродился»: *Вӱлы сьылам «Кузьман-Демьянтэ», мися ся во вовис, ся воыд воас, мыйкеыд, пуктан, йӱртӱдад няныыд вовас, картофельыд гӱббчад вовас. Тадз шуалам вӱлы, огӱ сьылӱ ся. «Ой гиг лала пӱ во вовис, Кузьман-Демьян во вовис». Сие вӱлы празднуйтлывлам, чукӱртчывлам. Асьным, ас кодьем. Кӱть и бны на вӱлы. Но, сӱйиг-ювигӱн и жӱ: «Вайей пӱ шуам сӱяме-ювамӱй, во вовис – во кеже». Онӱ вед тай сельскохозяйственнӱйтэ праздуйтӱнӱ же.* [ФФ ИЯЛИ В1109-16] (Пели «Кузьман-Демьян», мол, урожай уродился, прибыло все, что посажено было, в закрома зерно уже прибует, картошка в голбец прибует. Мы так приговаривали, не пели уже: «Ой гиг лала, урожай уродился, Кузьман-Демьян, урожай прибыл». Это праздновали, собирались. Сами, ровесники. Да хоть и сейчас еще <запись 1997 г.>. Когда сидели, угощались: «Давайте, поедим-выпьем, урожай прибыл, на весь год». Сейчас ведь день сельского хозяйства тоже празднуют). Отметим, что на первом плане здесь явно именно мотив «уродившегося урожая»; однако однозначный перевод и здесь невозможен, поскольку появляется еще одна формула *во вовис – во кеже*: ‘урожай уродился/ прибыл/ убран – на весь год’. В другом репортаже появляется дополнительная русскоязычная мотивировка: *Кузьма Демьян – во вовис. Урожай пӱ вовис* [ФФ ИЯЛИ В1110-8] (Кузьма-Демьян – урожай уродился. Урожай, мол, уродился/ весь убран). Примечательно отмеченное в первом репортаже сопоставление кузьма-демяновской братчины с официальным «праздником урожая». Как известно из истории советских праздников, в целях «осовещивания» церковных праздников в 1923 г. был введен День Урожая (первоначально он был приуро-

чен к дню Преображения, 19 августа). В 1929 г. он был заменен на День урожая и коллективизации (первый раз отмечался 14 октября (Покров). С 1966 г. этот праздник назывался «Всесоюзным днем работников сельского хозяйства», и отмечался он во второе воскресенье октября, как и ныне отмечаемый, «расширенный» «День работников сельского хозяйства и перерабатывающей промышленности» (с 1999 г.). Здесь для нас важно само противопоставление двух праздников «урожая»: государственного как всеобщего и «частного», воплощенного в женской (бабьей) братчине. Вероятно, и этот фактор сыграл свою роль в том, что именно в варианте женского праздника *Демьян лун* оказался «вписанным» в общую систему календарных событий советского времени и сохранил свой особый, «годовой» статус. И здесь мы выходим на еще одну тему, «вписанную» в семантику «дня урожая».

Тема «бедности – богатства». Подведение итогов хозяйственного года, включенное в регламентацию демьяновской братчины, так или иначе связано с темой будущего достатка, соответственно, касаясь сферы взаимосвязанных понятий «бедность – богатство». Амбивалентность представлений коми-зырян о бедности–богатстве отражена во множестве запретов и предписаний хозяйственной жизни. Так, например, коннотация «бедный» легко «вписывается» в характерные для кризисного северного земледелия (тем более в условиях достаточно жесткого режима выживания частных хозяйств на протяжении почти всего XX в.) представления об истинном и мнимом («осеннем») богатстве: *арся богатина* ‘осенний богач’ – тот, кто может похвастаться богатыми запасами только осенью, в отличие от *тувсов богатина* ‘весенний богач’ – тот, у кого запасов зерна хватает до весны [ФА СГУ А1416-3]. Есть и другие варианты интерпретации образа осеннего богатства: *арся купеч кодь* ‘как осенний купец (о щедром человеке, но нерасчетливом хозяине)’; *арся купеч, тувсов корысь* ‘осенний купец, весенний нищий’ (о небрежливом хозяине, не думающем о завтрашнем дне, осенью живет как купец, а весной голодает). На Выми эти определения применялись, прежде всего при выборе женихов. Примечательно, что и «пивная» формула из приведенной выше молодежной братчиной песни тоже могла использоваться как формула «мнимого богатства»: *Первой локтіс до роч зіб сылӧн оз подійи, сэтійом сія озыр, а бӧрас истӧг тув оз бӧрд* ‘Когда он приехал, казалось, что русский шест не достает до дна его богатства, а впоследствии оказалось, что даже спичка маячит (не вся погружается)’ [Сорвачева 1978, 151].

Демьян Бедный. В результате того, что в традиционных представлениях коми-зырян имя *Демьян* стало ключевым в обозначении этого праздника, в список хрононимов случайно вовлекли популярное в России первой пол. – сер. XX в. имя поэта Демьяна Бедного: *Демьян бедныйтӧ – зэв ёна праздничайтӧны, особеннӧ нывбабаяс. Вӧчасны сур, кутийӧмкӧ керкаӧ, 14 ноябрия сія. Вот и чукӧртчасны. И йӧктӧны, зэв ёна йӧктасны вӧлы. Сэки став вӧлі эштӧма уджъясыд* [ФА СыктГУ 1551-17] (Демьяна Бедного – очень сильно праздновали, особенно женщины. Наварят пива, в каком-то доме соберутся, 14 ноября он. Вот и соберутся. И пляшут, сильно плясали. Тогда уже все дела были завершены). На первый взгляд, возникший в результате случайного совпадения хрононим представляется абсолютно чуждым для дальнейшего календарного осмысления. Однако вспомним хотя бы, что праздник Кузьмы-Демьяна связан с образами «бессребреников и чудотворцев Космы и Дамиана»: эти титулы закреплены и в православной агиографии, и, соответственно, в богослужебной практике. Для коми языкового сознания «Демьян бессребреник» и «Демьян Бедный» вполне соотносимы с общим понятием «бедности-безденежья». Возможно, что здесь каким-то образом «сработали» и мотивы земной бедности и духовного богатства святых, характерные для богослужебной практики. Последнее в какой-то мере объясняет тот факт, что, например, в Прикамье, святым Косме и Демьяну молились, «чтобы не постигли человека нищета и бедность» [Черных 2007, 19]. Таким образом, тема «бедности – богатства», (так или иначе), уже была заложена в народные представления о Кузьме и Демьяне, и окказиональный хрононим *Демьян Бедный* легко «вписался» в календарный контекст. Более того, эта «случайность» как бы закрепляет агиографический контекст праздника, современным носителям традиции уже неизвестный.

На фоне приведенных негативных характеристик уже не кажется особо чуждым записанное на верхней Вычегде представление о «несчастливом» демьяновом месяце: (Соб.: *Вот Касьсяна воас пӧ оз позь вуджны виль керкаад?*) – *Касьсяна восӧ он лыдди а, кык тӧлысь он пет. Кутийӧм тӧлысьын нӧ?.. Тӧда эське да. Демьян. Тӧлысь он вӧч. Виль керкас новосельесӧ он вӧч. Сія тӧлысяс оз вӧлы верӧс сайе мунны, оз гӧтрасьны и новоселье оз вӧчны. Сія тӧлысяс кӧ гӧтрасян – семья оз ло... По веки веков кутийсны сіе. Оти тӧлысь во пӧяс эм, новоселье оз вӧчны. И поп оз тийӧкты вӧчны. И некод верӧс сайе оз босьт некодэс. А кутийӧм тӧлысь, вунӧма. Демьян тӧлысь, Демьяныс октябрын? Тая, октябр тӧлысяс и оз вӧлы новосельесӧ вӧчны. И верэс сайе, оз гӧтрасьны* [ФФ ИЯЛИ В1258-5] (Соб.: «Вот говорят, что в високосный год нельзя переходить в новый дом?») – Касьянов год не учитываешь, а вот два месяца в году есть, когда в новый дом не переходишь. Знаю ведь, какой месяц, забылось. Месяц с Демьяном.

Весь месяц соблюдали. Новоселье в этот месяц не делаешь. Не выходили замуж, не женились, и новоселья не справляли тогда. Если в этот месяц женишься – не будет семьи. Исполнок веку этого придержи-вались. Один месяц в году есть такой, новоселья не делают. И поп не разрешал. И никто не женится и замуж не выходит. Какой же это месяц, забылось. Демьянов месяц, Демьян – он в октябре что ли?.. В октябре, в этом месяце и не справляли новоселья. И замуж не выходили).

Из данного текста сложно понять, идет ли речь о действительно октябрьском дне Кузьмы-Демьяна (17/30 октября), или о повсеместно отмечаемом *Демьян лун* (1/14 ноября), или все же «о двух днях в году». Здесь для нас гораздо важнее явная параллель *Демьян тӧлысь* ‘демянов месяц’ с *Касьяна во* ‘високосный, «Касьянов» год’. С одной стороны, явно возникает паронимическое сближение имен *Демьян* и *Касьян* с определенным переносом представлений о Касьяновом годе на *Демьянов день*. Кроме того, здесь есть отсылка к авторитету местного священника, что позволяет говорить о наличии в местной, народной агиографии Кузьмы-Демьяна негативных мотивировок. Самая поверхностная из них может опять же быть связана с переосмыслением титула «бессребреник», получившим в языковом сознании коми-зырян отрицательные коннотации, которые и спроецировали на весь текущий месяц. Можно предположить также, что здесь отразились и представления о рубежности осеннего *Демьян лун*, связанного с концом «старого» земледельческого года и началом нового. Как мы помним, отрицательный образ Святого Касьяна сформировался под влиянием мифологических представлений о конце года: в древности год начинался 1 марта, и день Святого Касьяна приходился на самый страшный с мифологической точки зрения момент времени: последний день зимы и последний день старого года. Неслучайна в таком контексте и отмеченная выше терминологическая параллель между Демьяновым днем и Рождеством – *демьянасьны* и *рӧжтвоасьны*, – подчеркивающая их особый, пороговый статус. Этот статус воплощен и в рассмотренной выше формуле *во воис*.

Заключение. Таким образом, особый, («годовой») статус дня Кузьмы-Демьяна оказался закреплен и на уровне многочисленных языковых аттракций, соединивших в фольклорном тексте два ключевых понятия «завершение сбора урожая» и «завершение года». Выявленные нами изменения позволяют сказать, что общий вектор возникновения кузьма-демьяновского *во* ‘год / урожай’ сопоставим с вектором семантического развития слова *ар* ‘год’ > ‘осень’. По предположению этимологов [Лыткин, Гуляев 1999, 33], значение ‘осень’ для этого слова (общепермское **ar* ‘год’) выработалось позднее под влиянием «сентябрьского» летоисчисления². Удмуртские исследователи особо указывают на связь осеннего «новолетия» с архаическим отсчетом времени, когда важной вехой календаря было начало охотничьего сезона, сопряженное в земледельческой культуре со сроками осеннего сева [Владыкина, Глухова 2011, 14]. Применительно к коми календарной традиции отметим и явную хронометрическую асимметрию представлений об осени: *арся Микела* ‘осенний Николин день’ (Зимний Никола у русских), *арся видзе пыран лун* ‘Заговенье осеннего поста’ (Филиппово заговенье, заговенье Рождественского, зимнего поста), и др. Отметим, что и метеорологически день Кузьмы-Демьяна «подтягивается» именно к рубежу осень/зима: *Кузьман Демьян пӧ ульӧм вӧчӧ* ‘Кузьма-Демьян оттепель делает’ [ФФ ИЯЛИ В1110-8]. Вероятно, здесь присутствовали также неучтенные нами факторы, например, та же смена земледельческих приоритетов (для второй половины прошлого века основным «урожаем» уже стал картофель), что нарушило традиционные календарные ориентиры, и мн. др. Не менее важно, что этот вектор развития формулы *во воис* взаимосвязан с целым рядом окказиональных сдвигов, определивших специфику обрядового наполнения Кузьма-Демьяновских братчин коми-зырян. Здесь также адаптация к хозяйственной деятельности и гендерное «перераспределение», закрепившее за этой осенней датой статус всеобщего женского праздника с братчинным пиром, символизирующим завершение земледельческого года, и переход к потреблению накопленного урожая – «богатства». Здесь и собственно языковые аттракции между кузьма-демьяновским двузначным *во* год/урожай, «касыновым годом» и «демьяновым месяцем», выдвигающие на первый план тему «богатства – бедности/несчастья». В свою очередь, эта тема фиксируется в окказиональном хронониме Демьян Бедный, «возвращающем» исконный, агиографический контекст праздника. Все сказанное позволяет говорить о существовании в системе традиции механизмов самоорганизации, определяющих из множества несвязанных и случайных факторов общий вектор своего развития.

² До 1492 г. гражданский год начинался с 1-го марта, а церковный – с 1-го сентября; 1492 г. был 7000 годом от сотворения мира; в этом году царь Иван III перенес начало нового года на 1 сентября, связав его с церковным кругом. В 1700 г. Петр I перенес начало года на 1 января, а церковный год и сегодня начинается с 14 сентября (1 сентября по ст.ст.).

СОКРАЩЕНИЯ АРХИВНЫХ ДАННЫХ

ФФ ИЯЛИ А1208-17 – Фольклорный фонд Института языка, литературы и истории Коми НЦ (Далее – ФФ ИЯЛИ). Записано Г.С. Савельевой и Т.Н. Чудовой в 1996 г. от Золотаревых А.И., 1919 г.р. и П.И., 1921 г.р. в с. Керчомья Усть-Куломского р-на Республики Коми (далее – РК).

ПМ Ильиной. Записано И. В. Ильиной от К. А. Тарабукиной, 1907 г.р. в с. Б. Кужба Усть-Куломского р-на РК.

ФФ ИЯЛИ В1111-14, 17. Записано А. В. Панюковым в 1996 г. от М. В. Удоратиной, 1926 г.р. в с. Важкурья Корткеросского р-на РК.

ФФ ИЯЛИ А1113- 6. Записано С. Савельевой в 1994 г. в с. Нившера Корткеросского р-на РК от Михайловой А. А. 1907 г.р.

ФФ ИЯЛИ В1114-30 Записано А. В. Панюковым, Г. С. Савельевой в 2000 г. в с. Нившера, Д. Алексеевка Корткеросского р-на РК от Габовой А. С., 1925 г.р. урожд. д. Тист)

ФФ ИЯЛИ К75-7. Записано А. К. Микушевым от Кутькиной А. М. в с. Пезмог Корткеросского р-на РК в 1960 г.

ФФ ИЯЛИ В1109-16. Записано А. В. Панюковым и Г. С. Савельевой в 1997 г. от Т. Н. Панюковой, 1914 г.р. в с. Небдино Корткеросского р-на РК

ФФ ИЯЛИ В1110-8. Записано А. В. Панюковым и Г. С. Савельевой в 1997 г. от Е. В. Панюковой, 1910 г.р. в с. Небдино Корткеросского р-на РК.

Фольклорный архив СыктГУ А1416-3. Записано А. В. Панюковым от Кызыуровой П. С., 1908 г.р. в с. Турья Княжпогостского р-на РК. 1990 г.

Фольклорный архив СыктГУ 1551-17. Записано А. Ивашевой в 1997 г. от А. Е. Ивашевой, 1919 г.р. в с. Богородск Корткеросского р-на РК.

ФФ ИЯЛИ В1258-5. Записано А. Н. Рассыхаевым в 2003 г. от Д. И. Нестерова, 1916 г.р. в с. Носим Усть-Куломского р-на РК.

ЛИТЕРАТУРА

Владыкина Т. Г., Глухова Г. А. Ар-год-берган: Обряды и праздники удмуртского календаря. Ижевск: Удмуртский ун-т, 2011. 318 с.

Дукарт Н. И. Святочная обрядность коми конца XIX – начала XX вв. // Традиционная культура и быт народа коми. Труды Ин-та языка, литературы и истории КФ АН АН СССР. Сыктывкар. 1978. Вып.20. С.91–104.

Конаков Н. Д. От Святков до Сочельника: Коми традиционные календарные обряды. Коми книжное издательство, Сыктывкар. 1993. 128 с.

Колегова Н. А., Бараксанов Г. Г. Среднесыольский диалект коми языка. М.: Наука, 1980. 226 с.

Лыткин В. И., Гуляев Е. С. Краткий этимологический словарь коми языка. Сыктывкар, 1999. 432 с.

Некрылова А. Ф. Русский традиционный календарь на каждый день и для каждого дома. СПб.: Азбука-классика, 2007. 768 с.

Панюков А. В., Савельева Г. С. Храмовые и заветные праздники в Коми крае // *Paleoslavica*. Cambridge – Massachusetts, 2006. V. IV. P. 262–286.

Плесовский Ф. В. Коми кивтэчасъяс (Коми фразеологизмы). Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1980. 176 с.

Савельева Г. С. К реконструкции коми традиционной молодежной культуры: братчина // Фольклористика коми. (Труды ИЯЛИ Коми научного центра). Сыктывкар, 2002. Вып.61. С.73–90.

Сахарова М. А., Сельков Н. Н. Ижемский диалект коми языка. Сыктывкар, 1976. 288 с.

Сорвачева В. А. Нижневычегодский диалект коми языка. М.: Наука, 1978. 228 с.

Сорвачева В. А., Безносикова Л. М. Удорский диалект коми языка. М.: Наука, 1990. 283 с.

Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов / Сост. *Жилина Т. И., Сахарова М. А., Сорвачева В. А.* Сыктывкар, 1961. 492 с.

Толстая С. М. Полесский народный календарь (Традиционная духовная культура славян: Современные исследования / РАН, Ин-т славяноведения). М.: Индрик, 2005. 599 с.

Черных А. В. Русский народный календарь в Прикамье: праздники и обряды кон. XIX – сер. XX в. Ч. 2. Зима. Пермь: Пушкин, 2007. 368 с.

Поступила в редакцию 19.08.2019

Панюков Анатолий Васильевич,

кандидат филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник
Институт языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН,
167000, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 26, ИЯЛИ Коми НЦ

E-mail: pankomisc@mail.ru

A. V. Panyukov

**FROM CALENDAR CEREMONIALISM OF THE KOMI-ZYRIANS:
VO VOIS 'YEAR HAS COME – THE CROPS COME IN'**

DOI: 10.35634/2224-9443-2019-13-3-429-438

The article is devoted to the autumn day calendar rites of Kuzma-Demyan and the folkloric formula “Kuzma-Demyan vo vois” associated with this date, with no unambiguous translation. As a result of the random overlay of language nests in the language picture of the Komi-Zyryans in *vo* ‘year’ and *vo-* ‘arrive, come, reach, ripe’, the special, “annual” status of Kuzma-Demyan’s day, related to *vo* ‘harvest’, was not fixed at the level of numerous language attractions which combined two key concepts in the folklore: “completion of the harvest” and “end of the year”. It is equally important that this vector of development of the formula *vo vois* is interconnected with a number of occasional shifts that determined the specifics of the ritual filling of the Kuzma-Demyan bratchina of the Komi-Zyryans. The adaptation to economic activities and gender “redistribution” secured for this autumn date the status of a universal women’s holiday with a brotherly feast, symbolizing the end of the agricultural year. Actually the language attractions between the homonyms *vo* “year” and *vo* “crops”, “kasyanov year” and “demyanov month” put in the forefront the theme of “wealth – poverty/misfortune”. In turn, this issue is fixed in the occasional chrononym Demyan Bedny renewing the native, hagiographic context of the holiday. All this suggests that the tradition of self-organization mechanisms exists in the system that determines the general vector of its development from a variety of unrelated and random factors.

Keywords: folklore, Ethnography, Komi-Zyryans, Komi language, local tradition, folk terminology, chrononyms, agricultural rites.

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2019, vol. 13, issue 3, pp. 429–438. In Russian.

REFERENCES

- Vladykina T. G., Glukhova G. A.** *Ar-god-bergan: Obryady i prazdniki udmurtskogo kalendarya*. [Ar-year-Bergan: Rituals and holidays of the Udmurt calendar]. Izhevsk: *Udmurtskii un-t*. 2011. 318 p. In Russian.
- Dukart N. I.** Svyatochnaya obryadnost' komi kontsa XIX – nachala XX vv. [Yule rites Komi late XIX – early XX centuries]. *Traditsionnaya kul'tura i byt naroda komi* [Traditional culture and life of the Komi people]. (Trudy. Inta yazyka, literatury i istorii KF AN AN SSSR). [Works of Institute of Language, Literature and History of the Academy of Sciences of the Academy of Sciences of the USSR,] Syktyvkar, 1978. Issue 20. Pp. 91–104. In Russian.
- Kolegova N. A., Baraksanov G. G.** *Srednesysol'skii dialekt komi yazyka* [Middle Sysol dialect of Komi language]. Moscow, Nauka, 1980. 226 p. In Russian.
- Konakov N. D.** *Ot Svyatok do Sochelnika: Komi traditsionnyye kalendarnyye obryady* [From Yuletide to Christmas Eve: Komi traditional calendar rites]. Syktyvkar: *Komi knizhnoye izdatel'stvo*. 1993. 128 p. In Russian.
- Lytkin V. I., Gulyayev E. S.** *Kratkii etimologicheskii slovar komi yazyka* [A short etymological dictionary of the Komi language]. Pereizdaniye s dopolneniyem [Reissue with the addition]. Syktyvkar. 1999. 432 p. In Russian.
- Nekrylova A. F.** *Russkii traditsionnyi kalendar na kazhdyi den i dlya kazhdogo doma* [Russian traditional calendar for every day and for every home]. St. Petersburg: Azbuka-klassika. 2007. 768 p. In Russian.
- Panyukov A. V., Savelyeva G. S.** Khramovyye i zavetnyye prazdniki v Komi kraye [Temple and treasured holidays in the Komi region]. *Paleoslavica*. Cambridge – Massachusetts. 2006. V. IV. P.262–286. In Russian.
- Plesovskii F. V.** Komi kvytehchas"yas (Komi frazeologizmy) [Komi idioms]. Syktyvkar, *Komi knizhnoye izdatel'stvo*, 1980. 176 p. In Komi – Russian.
- Saharova M. A., Sel'kov N. N.** *Izhemskii dialekt komi yazyka* [The izhma dialect of the Komi language]. *Komi knizhnoye izdatel'stvo*. Syktyvkar. 1976. 288 p. In Russian.
- Savelyeva G. S.** K rekonstruktsii komi traditsionnoi molodezhnoi kultury: bratchina [To the reconstruction of the traditional youth culture of the Komi: the bratchina]. *Folkloristika komi* [Komi folklore studies]. Trudy IYaLI Komi nauchnogo tsentra; [Works of ILLH of Komi Science Centre]. Syktyvkar. 2002. Vyp.61 Pp.73–90. In Russian.
- Sorvacheva V. A.** *Nizhnevychegodskii dialekt komi yazyka* [Nizhnevychegodsky dialect of Komi language]. Moscow, Nauka. 1978. 228 p. In Russian.
- Sorvacheva V. A., Beznosikova L. M.** *Udorskii dialekt komi yazyka* [The udora dialect of the Komi language]. Moscow, Nauka, 1990. 283 p. In Russian.
- Sravnitel'nyi slovar' komi-zyryanskih dialektov* [Comparative Dictionary of the Komi-Zyryan dialects]. **Comp. Zhilina T. I., Saharova M. A., Sorvacheva V. A.** *Komi knizhnoye izdatel'stvo*. Syktyvkar, 1961. 492 p. In Russian.
- Tolstaya S. M.** *Polesskii narodnyi kalendar* [Polessky folk calendar]. (Traditsionnaya dukhovnaya kultura slavyan: Sovremennyye issledovaniya. RAN. In-t slavyanovedeniya). [Traditional spiritual culture of the Slavs: Modern Studies / RAS, Institute of Slavic Studies]. Moscow, Indrik. 2005. 599 p. In Russian.

Chernykh A. V. *Russkii narodnyi kalendar v Prikamie: prazdniki i obryady kon. XIX – ser. XX vv. Ch.2. Zima* [The Russian national calendar in Prikamye: holidays and ceremonies at the end of XIX – the middle of the 20th century. Ch. 2. Winter]. Perm, Pushka. 2007. 368 p. In Russian.

Received 19.08.2019

Panyukov Anatolii Vasil' evich,
Candidate of Philological sciences, Associate Professor,
Institute of Language, Literature and History,
Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences, Syktyvkar,
Kommunisticheskaya st., 26, Syktyvkar, 167000, Russian Federation
E-mail: apankomisc@mail.ru